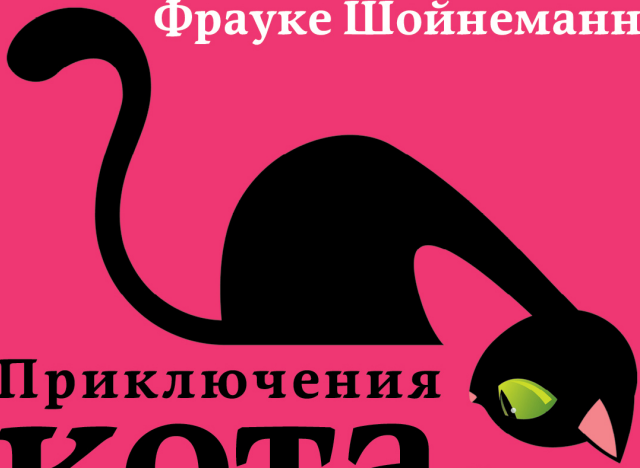
Фрауке Шойнеманн



Приключения

кота-детектива

Агент на мягких лапах

Фрауке Шойнеманн

Агент на мягких лапах

Серия «Приключения кота-детектива», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48634602
Агент на мягких лапах / Фрауке Шойнеманн: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-088988-4

Аннотация

Уинстон Черчилль – истинный аристократ, короткошерстный британец, грациозный, умный и самую малость ленивый кот, который живет в доме профессора физики в Гамбурге. Его жизнь была спокойной и размеренной, пока он не познакомился с двенадцатилетней Кирой. Обычная прогулка обернулась для новых друзей неожиданным приключением – во время грозы они поменялись телами! Это оказалось настоящей катастрофой: ведь теперь Уинстон должен не только попасть в компанию самых крутых девчонок в Кириной школе, но и разоблачить банду контрабандистов, чтобы спасти маму девочки от несправедливых обвинений!

Содержание

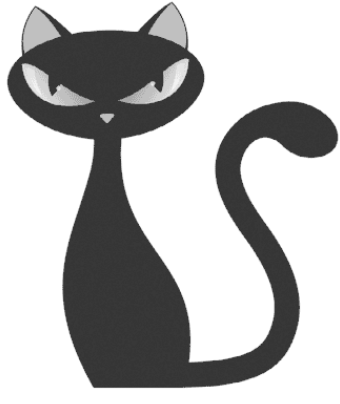
Пролог, или Почему иногда разумнее не выходить из дома 5
Консервы с индейкой. И это не единственная неприятность 8
Сначала конец, потом начало. Да еще какое! 19
Сначала все было неожиданно. А потом так, как я и ожидал 25
Новые жильцы? Ну уж нет. Или все-таки да? 34
Мир за окном полон опасностей – но зато интересен! Во всяком случае, мне так показалось 44
О людях и козах. И о козах в человеческом облике 54
Странное место под названием «гимназия», или Как я просидел полдня в сумке 62
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Фрауке Шойнеманн
Агент на мягких лапах

Frauke Scheunemann
Winston – ein Kater in Geheimer Mission
© 2013 Loewe Verlag GmbH, Bindlach.
© Гилярова Ирина, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Посвящается господину Беку

Пролог, или Почему иногда разумнее не выходить из дома



– Ну же, решайся! – Леония улыбнулась. Но ее улыбка мне не понравилась – в ней таилась насмешка. Да-да, это была не улыбка, а скорее ухмылка. – Или тебе слабо?

Я даже немного растерялся:

– Нет, не слабо. Вообще-то я, конечно, могу, но…

– Что значит «но»? Я вижу, ты струсила. – Теперь усмехалась не только Леония. Эмилия, Рут и Эллен тоже, казалось, с трудом сдерживали смех.

– Ну, по-моему, глупо заходить в магазин, где установле-

ны четыре камеры слежения, – возразил я. – Если я стырю там майку, потом не избежать проблем с полицией.

Леония презрительно скривила губы:

– Какие еще проблемы с полицией? Не говори глупости! Ну как хочешь! Но мы в тебе разочаровались. – Она резко повернулась и пошла прочь. За ней поплелись и ее подружки.

Вот незадача! Так дело не пойдет. Просто я слишком плохо знал, что такое быть человеком. И уж тем более двенадцатилетней девочкой. Как у двуногих все, оказывается, сложно, до сих пор я и не подозревал об этом.

Конечно, со временем я разберусь в человеческих повадках и все пойму. Но если бы мне раньше кто-нибудь сказал, какие у меня будут вредные одноклассницы, я бы ни за что не согласился меняться с Кирой. Уж лучше бы я остался красивым, породистым и чуточку избалованным котом, каким был до той проклятой грозы. Лежал бы сейчас на своем уютном диване в доме на Хохаллее, а мой друг Вернер Хагедорн читал бы вслух что-нибудь про квантовую физику. Или про кота Шредингера и о том, как с его помощью получить Нобелевскую премию. Я знаю, что за этой премией ездят в Стокгольм, знакомятся там с королем Швеции и привозят домой

кучу денег. Это в очередной раз доказывает, что мы, кошки, необычайно важные домашние животные. Ах, да что там – вообще самые важные. Разве сравнишь нас со всякими там собаками или хомячками? И вот теперь, вместо того чтобы лежать на своем диванчике, я стою тут и… Эх, святые сардины в масле! Какое невезение! Впрочем, я расскажу все по порядку, чтобы вам стало понятно. И начну свою невероятную историю с первой главы…

Консервы с индейкой. И это не единственная неприятность

Хм, что это такое? Какая-то коричневая масса. Пахнет странно, выглядит еще более странно… но лежит в моей миске! Я что, должен это съесть?! Я брезгливо тряхнул лапой и поскреб пол возле миски. Ах, святые кошачьи небеса! Вероятно, это какое-то недоразумение. Вопиющее недоразумение. Надо немедленно в этом разобраться! Потому что я, породистый домашний кот Уинстон Черчилль, чистокровный короткошерстный британец, ни за что не стану есть то, что не способно усладить мою благородную пасть. Тем более что

я не просил давать мне такую сомнительную еду!

Недовольно пошевелив хвостом, я выбежал из кухни и стал искать Ольгу, нашу домоправительницу. Уж она-то наверняка в курсе, что за гадость лежит в моей миске. Обычно Ольга готовит превосходные блюда для меня и моего профессора, но сегодня у нее явно что-то не получилось.

Короче, я пожалуюсь Ольге. Если вообще ее найду, потому что ее нигде не было. Она бесследно исчезла. Ее не было ни в гостиной, ни в столовой, ни в кабинете профессора. Странно. Я сел посреди нашего длинного коридора и огляделся по сторонам. В квартире стояла полная тишина. Если бы Ольга была здесь, я бы услышал. Ведь я кот и у меня великолепный слух.

Ага! Из спальни донесся тихий шорох. Я помчался в конец коридора и протиснулся в слегка приоткрытую дверь. Ольга стояла спиной ко мне перед платяным шкафом и раскладывала по полкам белье. Я подбежал к ней и хотел потереться о ее ноги, но внезапно замер на месте от удивления. Ноги были незнакомые, не Ольгины. Передо мной стояла какая-то чужая женщина. МЯУ! Кто это?!

Незнакомка обернулась и посмотрела на меня. Я видел, что она была удивлена ничуть не меньше. Тут она наклонилась и хотела погладить меня по голове, но я проворно отскочил назад. Я принципиально не позволяю себя гладить незнакомым людям. Ни за что!

– Ой, котик, ты откуда взялся? Ты и есть Уинстон? – спро-

сила она. Ее голос звучал почти так же, как у Ольги. Удивительно, но факт! Да и в остальном незнакомка походила на нашу домоправительницу: такая же стройная фигура, длинные светлые волосы, завязанные в конский хвост. Кажется, она была чуть моложе, но, может, я и ошибался. Я не очень хорошо умею определять человеческий возраст. Все взрослые люди выглядят для меня одинаково.

Я снова приблизился к неизвестной и посмотрел на нее. Она приветливо улыбнулась и словно ждала от меня, что я что-нибудь ей скажу. Ох, но ведь я кот! Я не могу разговаривать! Умей я это делать, я бы, конечно, представился этой даме по всем правилам этикета. Сообщил бы, что мое полное имя Уинстон Черчилль, но что все называют меня просто Уинстон. Что я уже довольно давно живу у профессора Вернера Хагедорна в этом респектабельном доме номер 106-а на улице Хохаллее в Гамбурге. Что я больше всего на свете люблю лежать в гостиной на уютном диване или на пушистом ковре у камина. Что из еды я предпочитаю куриные сердечки, если их отварить, добавив чуточку петрушки, или куриную печенку. И что я исключительно домашний кот и, значит, никогда не покидаю квартиру по доброй воле. Когда я смотрю в окно и вижу в нашем дворе облезлых бродячих кошек, меня охватывает ужас. Святые сардины в масле! Как неуютен мир там, за стенами нашего дома!

Да, если бы я умел говорить, я бы, пожалуй, рассказал этой незнакомой женщине все о себе. Или хотя бы часть. Но

я не умел говорить и поэтому молчал. Впрочем, это не имело особого значения. Меня занимали более важные вопросы. Кто эта женщина, так похожая на Ольгу? Что она делает в нашем доме?

Я сел перед ней, тихонько мяукнул и нервно пошевелил хвостом. Она снова протянула руку и почесала у меня за ухом. На этот раз я не возражал, мне было даже приятно. Но все-таки меня брала нешуточная досада: почему люди никогда не могут нормально представиться?! Почему эта незнакомая женщина позволяет себе, не представившись, гладить чужого кота?! Нет, большинство двуногих все-таки понятия не имеют о хороших манерах.

Тут распахнулась дверь спальни, и вошла Ольга. Я стремглав бросился к ней, бурно приветствуя ее своим мяуканьем, и потерся головой о ее ноги.

– Привет, Уинстон, – улыбнулась она. – Ты уже соскучился без меня? Я всего лишь ненадолго отлучилась. Эге, я вижу, ты уже познакомился с Анной.

– Да, еще немного – и мы станем друзьями, – ответила вместо меня женщина, которую звали Анна. – Правда, Уинстон? Мы подружимся с тобой?

– Наверняка подружитесь! – засмеялась Ольга. – Знаешь, Уинстон, я уверена, что тебе понравится Анна. Ведь она моя родная сестра.

Гром и молния! Это сестра Ольги! Вот почему они так похожи! Если бы не густая шерстка на моей красивой мордоч-

ке, я бы порозовел от смущения. А так мне ничего не оставалось, кроме как мяукнуть.

– Уинстон – любимец профессора Хагедорна, – пояснила Ольга сестре. – Поэтому тебе предстоит заботиться не только о профессоре, но и о его коте.

Анна кивнула:

– Профессор уже объяснил мне все, и я положила корм в кошачью миску.

Вот оно что! Так это ее рук дело! Я возмущенно фыркнул и недовольно пошевелил хвостом, но Ольга с Анной ничего не заметили и продолжали разговаривать.

– Положила? Что именно?

– Ну, когда я ходила в магазин за моющими средствами, там продавалась целая упаковка кошачьих консервов. Вот я заодно и купила их.

– Кошачьи консервы?! Для Уинстона?! – рассмеялась Ольга.

Интересно, что ее так насмешило? И что это вообще такое – кошачьи консервы?

– Да, а что тут такого? – искренне удивилась ее сестра. – Я прочитала, что написано на этикетке. Состав очень хороший – индейка с рисом.

Ольга все еще смеялась, а я ничего не понимал. То, что я видел в своей миске, никогда не было индейкой с рисом и скорее напоминало бурую землю, в которую Ольга пересаживала весной комнатные цветы.

– Сомневаюсь, что наш Уинстон станет есть кошачьи консервы. Он слишком избалован. Я всегда варю что-нибудь свеженькое. Для кота и для профессора. Учти это и никогда не забывай.

Да, Ольга была права. Но почему Анна должна помнить об этом? Ведь сама-то Ольга отлично знала, что нравится нам с Вернером.

– О'кей, сейчас я запишу себе все это в блокнот. Надеюсь, я справлюсь тут без тебя. – Анна вздохнула и покачала головой.

– Не волнуйся. У тебя все получится. На следующей неделе я еще успею тебе все показать. А потом ты всегда сможешь мне позвонить в случае чего. И я помогу тебе разобраться с проблемами.

Минуточку! Как это – «справлюсь тут без тебя»? Вероятно, я ослышался. Дом номер 106-а на Хохаллее был так же немыслим без нашей домоправительницы Ольги, как и без Вернера, без моего двухметрового бархатного «дерева», о которое я часто точу свои коготки, и без наших книжных полок во всю стену. Ну, естественно, и без меня. Наш дом не сможет нормально существовать без Ольги. Сразу начнутся такие гадости, как «индейка с рисом» из консервной банки.

Но тут Анна достала из кармана блокнот и ручку и что-то записала. Неужели Ольга и вправду решила нас бросить?! Я испугался, мне стало дурно, я весь похолодел от страха. Хорошо еще, что мой желудок был не совсем пустым, а то

бы я вообще пропал. «Справлюсь тут без тебя»… Чем дольше я думал над этими словами, тем тревожнее билось мое сердце. Ведь я страшно не люблю, когда в моей жизни что-то меняется. Да я просто терпеть не могу этого! Я ненавижу любые перемены!

Щелк, щелк – в замке повернулся ключ. Это Вернер, мой профессор! Сейчас он прекратит это безумие, немедленно прекратит!

Мы с профессором живем вместе так долго, что он понимает меня без слов. Я стремглав помчался к входной двери и, как только Вернер вошел в дом, жалобно замяукал и стал кататься по полу.

– Эй, Уинстон, что с тобой, дружочек? – Вернер снял куртку и наклонился ко мне. – Животик болит? – Он ласково погладил мне брюхо и выпрямился. – Ольга, я вернулся! Что случилось с Уинстоном? Кажется, он заболел.

Мой дорогой профессор! Самый умный человек на свете. Сразу заметил, что мне плохо.

– Минуточку! – крикнула в ответ Ольга. – Я сейчас приду!

Я решил, не теряя времени, посильнее разжалобить профессора, пока не появилась Ольга. Она ведь сразу поймет, что я притворяюсь. Поэтому я мяукнул еще жалобнее да так и остался лежать на спине, вытянув все четыре лапы. Представляю, какой у меня был несчастный вид!

– Ой, что это с котом? – удивилась Ольга, выходя в коридор.

– Кажется, ему нехорошо. Возможно, у не го заболел живот. Вы кормили его сегодня?

Ольга кивнула:

– Да, Анна покормила. Правда, кошачьими консервами. Я еще не успела посмотреть, ел ли их Уинстон. Скорее всего он вообще к ним не притронулся. Возможно, он просто голоден.

– Консервы? – Профессор нахмурился и недовольно покачал головой. – Нет, моя дорогая Ольга, так дело не пойдет. Вы там будете баловать своего Дитера вкусными кушаньями, а нам тут прикажете обходиться фастфудом?

Чем-чем? Каким таким фуфудом? Что это? Может, какая-то новая еда? Вероятно, ужасно невкусная. Но вот упоминание о Дитере меня заинтересовало всерьез. Я подозревал, что из-за этого парня у меня еще не раз возникнут проблемы – в последнее время его имя звучало в нашей квартире подозрительно часто, и Ольга при этом сладко вздыхала. Должно быть, Дитер много для нее значил. Так много, что ей захотелось готовить еду для него, а не для нас с профессором. Ох уж эти легкомысленные женщины! Какое непостоянство!

Ольга засмеялась:

– Не волнуйтесь, я подробно расскажу сестре, что вы любите и как это готовить. А Дитера скоро посажу на строгую диету, потому что он сильно прибавил в весе за последнее время.

– Что тут удивительного, если ему посчастливилось взять

в жены лучшую в мире кулинарку? Вот он и набрал лишние килограммы. Знаете что, Ольга?

Тут Вернер сделал драматичную паузу.

– Нет, не знаю. – Ольга покачала головой.

– Я страшно завидую Дитеру. Я бы без колебаний поправился на пять кило, если бы мог таким образом удержать вас в моем доме. Даже на десять. Для меня настоящая катастрофа, что вы нас бросаете! Я просто в отчаянии!

Что?! Значит, это правда? Ольга уходит, и Вернер ничего не может с этим поделать? Да, это страшная катастрофа, и не только для Вернера, но и для меня! Как ни крути! Я снова перекатился на другой бок и уронил голову на коврик. Мне было плохо, кружилась голова. То ли от голода, то ли из-за того, что я слишком долго катался с боку на бок.

– Вы посмотрите, Ольга! Уинстону совсем нехорошо. Ему тоже не нравится, что нам скоро придется обходиться без вас.

– Ах, господин профессор, не надо так говорить! Перестаньте, вы терзаете мне сердце! А то я разрыдаюсь. К тому же я нашла прекрасную замену. Моя сестра Анна будет заботиться о вас еще лучше, чем я. Ведь Анна умеет это делать, она очень хорошая мать.

Ну и что с того, что она хорошая мать? Разве существует связь между материнством и заботой? Я с трудом вспоминал свою маму-кошку. Если она и заботилась обо мне, то очень недолго – я был совсем крошечным, когда профессор взял

меня к себе. С тех пор они вместе с Ольгой ухаживали за мной, и я ни на что не жаловался. Все было классно.

– Ах, у вашей сестры есть дети? – удивился Вернер.

Ольга кивнула:

– Дочка, ей двенадцать лет. Милая девочка. Она отличница, и ей прекрасно даются языки. Когда сестра приехала четыре года назад в Германию, Кира не говорила ни слова по-немецки. А теперь даже невозможно предположить, что она родилась в другой стране.

Ага. Я ничего не понимал. Неужели можно на слух определить, где человек родился? Как у людей все странно.

– Я не сомневаюсь, – улыбнулась Ольга, – что Кира охотно придет сюда как-нибудь с матерью и поиграет с Уинстоном, чтобы он не скучал. Все-таки для него это будет развлечение.

Что такое? Святые сардины в масле! Я и так не скучаю! С чего это Ольга взяла, что мне скучно? Мне нравится моя жизнь такой, как есть. Я не хочу никаких перемен – и уж тем более не хочу видеть в нашем доме никаких детей. Нет-нет, увольте! Я ненавижу детей! Они плохо воспитаны, громко орут. За всю свою жизнь я еще не видел ни одного приятного ребенка, на всех шипел, всех мне хотелось больно оцарапать. Дети сразу, как только меня видели, дергали меня за мои роскошные усы. Некоторые даже пытались их обстричь.

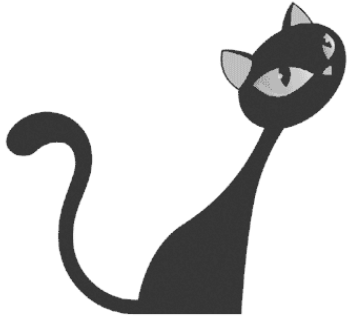
У профессора есть брат, а у брата трое ужасных сорванцов: две девочки-близняшки и мальчишка чуть постарше. Все трое мучают меня каждый раз, когда приезжают к Верне-

ру в гости на Рождество и на Пасху или на другие семейные праздники. Они всегда придумывают какую-нибудь пакость. На последнее Рождество они, например, надели мне на голову красный колпак, чтобы я был похож на Санта-Клауса, да еще намазали его клеем. Представляете? Разумеется, Вернер отругал этих мини-террористов. Но колпак так крепко приклеился к моей шерстке, что Ольге пришлось отстригать его ножницами. После этого я долго ходил с лысиной и выглядел как последний идиот. Просто ужасно. Я, Уинстон Черчилль, английский аристократ, не был похож на самого себя!

В общем, по большому счету мне было все равно, что нас ждет и кто заменит Ольгу, когда она уйдет к своему Дитеру. Лишь бы в доме номер 106а на Хохаллее не было детей!

ПОЖАЛУЙСТА, никаких детей!

Сначала конец, потом начало. Да еще какое!



Если кошачий бог существует, то он не внял моим молитвам. Потому что моя печальная история общения с детьми продолжилась. Да еще я расстался с нашей дорогой Ольгой. Какой это тяжелый удар для меня, преданного и любящего кота!

Через несколько дней Ольга уже стояла у дверей с чемоданом. Рядом с ней нетерпеливо переминался с ноги на ногу Дитер. Я недовольно поглядывал на него.

Я давно уже понял, когда долгими вечерами сидел с Вернером перед телевизором, что двуногие охотно создают пары. Например, мужчина влюбляется в женщину и после это-

го они живут вместе – парой. Во всяком случае, многие люди этого хотят. В фильмах часто рассказывается о проблемах, которые возникают, когда с любовью что-то не выходит. Тогда жизнь у двуногих делается довольно сложной. Я часто думал о том, что без этой штуки под названием «любовь» у людей было бы меньше стресса или вообще бы его не было. Вот взять, к примеру, Вернера. Он не знает таких неприятностей. И объяснить это можно тем, что он живет на Хохаллее не с какой-то там женщиной, а со мной. Мужчина и кот, ясное дело, лучше подходят друг другу, чем мужчина и женщина. Надеюсь, что Ольга тоже в конце концов это поймет, когда ее ненаглядный Дитер сядет ей на шею. Тогда мужчина ее мечты быстро превратится в кошмар ее жизни. Она пожалеет, что бросила нас, и скажет себе, что уж лучше бы она осталась в нашем доме и заботилась о Вернере и Уинстоне, а не о Дитере. Ведь нас так просто не забудешь!

Ольга сунула руку в карман и достала связку ключей:

– Вот мои ключи.

Вернер кивнул. Он уже не улыбался, в его глазах была такая же грусть, как и у меня. Если ты кот и живешь среди двуногих, ты можешь многое прочесть на человеческом лице. По крайней мере, я с первого взгляда легко определяю, какое настроение у Вернера. Меня это часто выручает, особенно если я съел что-то, что было приготовлено не для меня. Один взгляд на его лицо – и я понимаю, сердится на меня он или смеется. В зависимости от этого я либо спешно пря-

чусь где-нибудь в темном углу или под кроватью, либо могу приласкаться к профессору, прыгнув к нему на колени.

– Ну, значит, теперь мы прощаемся всерьез? – спросил Вернер. Неужели он надеялся, что в последнюю минуту Ольга передумает?

– Да, всерьез, – сказала Ольга и сделала несколько шагов по коридору. – Анна, – громко позвала она, – Дитер приехал за мной, нам пора прощаться.

– Минуточку, – послышалось из кухни. – Сейчас приду.

Вскоре Анна стояла рядом с нами. Я обнюхал ее брюки. Кажется, она что-то готовила. Пахло вкусно. Забавно только, что она не надевала передник. Вот Ольга никогда не готовила еду без передника. Но, вероятно, можно и так. Интересное открытие, надо взять на заметку.

Ольга повозилась со своими ключами и протянула один из них Анне:

– Вот, дорогая моя! Береги его! И, разумеется, не только этот ключ, но и господина профессора. Не забывай и про Уинстона.

Взяв одной рукой ключ, другую Анна подняла вверх, словно давая торжественную клятву:

– Клянусь!

Теперь все рассмеялись, и грустное настроение, которое словно туман расползалось по всей большой квартире, немного рассеялось. На прощание Ольга пожала Вернеру руку. Он немного помедлил, потом обнял ее и на секунду при-

жал к себе:

– Ольга, желаю вам всего хорошего. Я буду скучать без вас.

Мяу, я тоже буду скучать! Но как мне сказать об этом без слов? Я решился на смелый прыжок: с пола на комод, стоящий под полкой, а оттуда на руки Ольге. Меньше слов – больше дела! Две секунды – и я прыгнул точно ей в руки.

– Ох! Оп-ля! Лобовая атака! – прокомментировала Ольга мой сенсационный прыжок и почесала мне за ухом. – Кажется, Уинстон хочет поехать с нами! Да, Уинстон? Ты поедешь со мной?

– Нет-нет, он останется у меня! – воскликнул Вернер. – Вы что, хотите сразу все от меня сбежать?

– Я тоже против, – спешно вмешался Дитер. – У меня легкая аллергия на кошачью шерсть. Я не могу долго находиться рядом с кошкой.

Неслыханно! Какой скандал! Ольга выбрала себе в мужья человека, который не переносит кошек! Просто невероятно. Оказывается, у нее дурной вкус, она ничего не понимает в мужчинах! Не на шутку обидевшись, я спрыгнул с рук Ольги, удалился в кухню и угрюмо сидел там, пока Ольга и Дитер не ушли из нашего дома.

***Вечером, когда я улегся спать в своей корзинке, мне было, слава кошачьему богу, уже чуточку лучше. Анна сварила мне вкуснятину – куриную печенку с рисом. Потом она убиралась в доме, весело насвистывая какую-то мелодию –

совсем так же, как это всегда делала Ольга. Возможно, в моей кошачьей жизни не так много изменится… С этими утешительными мыслями я свернулся клубком, заснул и увидел приятные сны. О куриной печенке. О чистом солнечном местечке на подоконнике. О…

Дзинь! Дззшинь! Дззшинь! Мне снилось, что Вернер посадил меня на столик рядом с телефонным аппаратом и тот зазвонил. Сначала негромко, потом все настойчивее. Мяу! Звонок мешал мне смотреть мой чудесный сон! Подойди же к телефону, Вернер! Но Вернер никак не реагировал. Он просто сидел за письменным столом и не обращал внимания на звонки. Это невозможно! Неужели он не замечает, как меня нервирует этот шум? *Дззшинь! Дззшинь!* Эй, Вернер, подойди же наконец! Я ведь не могу снять трубку своей лапой.

Но Вернер не подходил к телефону, и чем дольше это продолжалось, тем яснее я понимал, что телефон звонил не только в моем сне, но и наяву, и что это вовсе не телефон, а звонки в дверь. Кто-то ломился к нам, да еще среди ночи! Просто неслыханное событие!

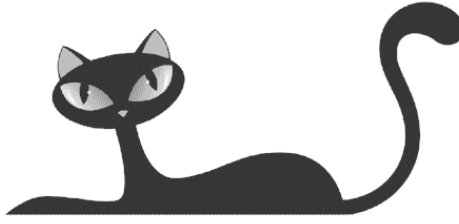
Я устало выпрыгнул из корзинки. Кого еще там принесло, черт побери! Мимо меня проковылял полусонный Вернер.

– Что тут творится, Уинстон? – спросил он, будто я мог ответить на его вопрос. – Три часа ночи! Поздновато для гостей. – Он зевнул и заглянул в дверной глазок. В него можно было видеть, кто стоит за дверью.

– Ах ты боже мой! – вырвалось у него. Вероятно, там было

что-то не просто неожиданное, а очень-очень неожиданное. Вернер снял цепочку, на которую мы всегда закрываемся изнутри на ночь, и приоткрыл дверь. На пороге стояла Анна. И очень тоненькая девочка с печальными глазами.

Сначала все было неожиданно. А потом так, как я и ожидал



Глаза у Анны были красные, заплаканные, и выглядела она совсем не так привлекательно, как несколько часов назад. Девочка, кажется, замерзла; во всяком случае, она дрожала. Хотя, может, это она от страха? А если да, то почему? Уж точно не из-за нас с Вернером. Профессор в своем полосатом халате выглядел не очень опасным – а я всего лишь мирный домашний кот, хоть и благородных британских кровей. Меня не боятся даже невоспитанные сорванцы – племянники Вернера. А они точно младше этой незнакомой девочки.

– Господин профессор, мне не хотелось заходить в дом среди ночи без вашего разрешения. Вот я и позвонила. – Голос Анны звучал неуверенно и робко. Девочка стояла рядом и молчала. Это она – Кира? Наверняка. По крайней мере,

она была похожа на Анну. Такие же светлые волосы, такие же большие глаза.

Вернер не произнес ни слова. Скорее всего, он просто онемел от неожиданности. Но потом сказал хриплым от сна голосом:

– Здравствуйте, Анна! Какая неожиданность! Что-нибудь случилось?

Анна кивнула.

– Я… э-э… – Она говорила еле слышно. – Да, случилось, господин профессор. Я поссорилась со своим другом и не знала, куда нам пойти. Мы с Кирой больше не могли оставаться дома. У нас, – она помедлила, – возникли большие проблемы.

– Ох, – Вернер больше ничего не сказал, просто открыл дверь. Анна с девочкой вошли в квартиру. Только теперь я увидел, что Анна держала в руке довольно большую сумку.

– Вы можете устроиться с дочкой в гостевой комнате, – предложил Вернер. – Остальное мы обсудим утром, когда вы спимся.

Анна робко кивнула. Кира все еще не сказала ни слова. Они пошли по коридору. Прежде чем скрыться за дверью гостевой комнаты, Анна еще раз обернулась:

– Спасибо, господин профессор!

– Ах, не стоит благодарности. Спокойной ночи. Я тоже постараюсь заснуть.

С этими словами Вернер удалился к себе, а я побежал к

своей корзинке. Какая беспокойная ночь! Я был уверен, что теперь не сомкну глаз до утра.

Я и в самом деле никак не мог уснуть. Беспокойно ворочался, пытался думать о чем-то хорошем. Например, о большой лазанье с сардинами. Без результата. Хоть я и устал, но в голове крутились всякие мысли. В основном вопросы. Какие-такие проблемы могли быть у Анны, раз она среди ночи подхватила свою дочку и оказалась возле нашей двери? Вероятно, что-то совершенно ужасное. Меня не покидало предчувствие, что теперь жизнь в доме номер 106а на Хохаллее станет гораздо беспокойнее, чем раньше.

Вернер – спокойный и уравновешенный представитель рода человеческого. Целыми днями он работает в университете – исследует частицы, такие мелкие, что их нельзя увидеть невооруженным глазом. Такие частицы называются атомы. Вернер тоже их не видит, но все равно знает, что они существуют. Вот и его сестра тоже такая. Она пастор и верит в то, чего нельзя увидеть. Смешные они, эти двуногие. Лично я верю только в куриные сердечки с петрушкой. И я *могу* видеть и то и другое!

Нет, ничего не помогало… Сон не шел. К тому же после всех треволнений меня начинали терзать муки голода. Я решил наведаться к своей миске. Вдруг случилось чудо и там осталось что-нибудь вкусненькое?

Подходя к кухне, я услышал странный шум. Он доносился из гостевой комнаты. Я тихонько подкрался к двери. Чем

ближе я подходил, тем яснее понимал, что там кто-то рыдает. Может, Анна? Я сунул лапу в дверную щель, открыл дверь пошире и неслышно проскользнул в комнату.

На краю широкой двуспальной кровати сидела фигурка. В темноте я даже не сразу разглядел, кто это. Нет, это была не Анна, а ее дочка Кира. И эта девочка в самом деле плакала. О'кей, потом она наверняка, как все эти противные дети, рано или поздно заставит меня нервничать, будет дергать меня за хвост и покушаться на мои роскошные усы. Но сейчас Кира горько плакала, и мне стало ее жалко. Я подбежал к ней, вскочил на кровать и стал лизать ей руки. Обычно в этом доме коту строго запрещается прыгать на постель, но я решил, что сейчас была экстренная ситуация. К тому же по легкому храпу на другой стороне кровати я понял, что Анна крепко спит, и значит, не будет меня ругать.

– Ой! Щекотно! – Кира, только что обливавшаяся горькими слезами, засмеялась. Потом протянула руку и погладила меня.

Словно по команде я замурлыкал. Общаясь с людьми, я твердо усвоил одну вещь – людям важно одобрение. Так проще всего воспитать своего хозяина. И если он что-то делает, что нравится кошке, я настоятельно советую похвалить его за это. Мурлыканье – похвала для человека, во всяком случае очень многие радуются, когда его слышат. В общем, я замурлыкал как можно громче, и вот уже Кира перестала рыдать и взяла меня на руки.

– Какой ты милый! Мама рассказывала мне про тебя! – Кира говорила не так, как Ольга или Анна. Она произносила «р» не раскатисто, как ее мама или тетя, и поэтому все ее слова звучали чуточку мягче. Она говорила скорее как Вернер – разве что детским голосом. Интересно, люди могут *по таким вещам* определять, кто откуда приехал? Но прежде чем я успел обдумать свою догадку, Кира почесала мне за ухом. Я тут же потянулся и перевернулся на спину, чтобы девочка почесала мне еще и брюхо. Замечательно!

– Тебе нравится, правда?

Я охотнее всего крикнул бы «Да!», но поскольку не мог, просто замурлыкал еще громче. Кира приблизила ко мне лицо и уткнулась носом в мою шерстку. Какое-то время она так и сидела, наклонившись, а потом снова выпрямилась:

– Теперь мне уже лучше. Знаешь, сегодня у меня был ужасный день. Вернее, ужасная ночь. – Я перекатился с ее коленей на постель и сел перед ней. Похоже, она могла бы мне рассказать интересную историю. Может, и расскажет, если я буду внимательно слушать. Я навострил уши и изобразил лукавое и заинтересованное выражение в надежде, что Кира заметит это, несмотря на темноту.

– Ты даже не поверишь, что со мной было, какой ужас! Я и сама верю с трудом. Если хочешь, я расскажу тебе.

Ура, она заметила, что мне хочется послушать ее историю! Эта девочка явно умела понимать кошек. Я устроился поудобнее, положил голову ей на колени и приготовился слу-

шать.

– В общем, дело было так. Я уже ложилась спать, когда Вадим вернулся домой. Вадим – мамин друг. Мы живем вместе с ним уже год. Обычно он очень приятный, но иногда словно с цепи сорвется. И сегодня это снова случилось. Я заметила это сразу, как только он появился в дверях – напряженный до жути. Мама рассказывала ему о своей новой работе, но ему это было безразлично. Он был злой, потому что поругался со своим приятелем. Очень злой! Я поскорее легла спать, потому что Вадиму лучше не попадаться на глаза, когда он не в духе. Потом он стал ругаться с мамой. Орал на нее. Я укрылась с головой одеялом, но все равно слышала все, что он кричал.

Лично я терпеть не могу людей, которые громко орут. У меня превосходный слух. Когда мне что-нибудь рассказывают очень тихим голосом, я все равно все слышу. К счастью, я практически не знаю никого, кто так безобразно себя ведет. Вернер всегда говорит, что если студенты начинают слишком шуметь, надо самому говорить тише. Тогда они будут к тебе прислушиваться. И он прав – когда он разговаривает со мной шепотом, я слушаю его внимательнее.

– Потом кто-то позвонил в нашу дверь. И не один раз, а звонил и звонил.

Хм, что тут сказать? Знакомая ситуация…

– Но Вадим не открыл, и мама тоже, потому что он запретил ей. А Вадима лучше слушаться, тем более когда у него

такое плохое настроение.

Шшшшш, по-моему, очень неприятный тип! У меня даже шерсть на загривке встала дыбом. Нельзя орать на своих близких и диктовать им, что можно, а что нельзя! Я, будучи котом, абсолютно не одобряю такое поведение, и со мной такие штучки не проходят. Вот будь я собакой, тогда, может, смотрел бы на все по-другому. Собаки охотно подчиняются людям и выполняют их команды. А кошки никогда! Я замурлыкал чуточку громче, чтобы показать Кире, что я целиком на ее стороне. Хотя едва ли она думала, что я могу одобрить поведение Вадима. Она улыбнулась мне и продолжила гладить мою шерстку.

– Наконец звонки прекратились – в дверь забарабанили. Я услышала крики «Откройте! Полиция!» – и страшно испугалась. Представь себе – полиция! Стучится в нашу квартиру! Среди ночи!

Должен честно признаться, что я смутно представляю себе, как это – когда полиция стучится в квартиру. Но я уже знал, что полиция с ее громким «татутата» появляется в случае каких-нибудь неприятных происшествий. Я видел такие ситуации по телевизору. Но в реальной жизни я еще никогда не сталкивался с полицией. Ведь я покидал дом Вернера очень и очень редко – когда меня возили к ветеринару. А ветеринарная клиника, понятное дело, не то место, куда часто заглядывает полиция. По телевизору еще никогда не показывали, как полицейский разговаривает с ветеринаром.

Впрочем, я часто спрашивал себя, есть ли разница между жизнью в телевизионном ящике и жизнью за его пределами. Но чтобы это узнать, мне пришлось бы выйти из дома. А я уж точно не собирался этого делать!

– Ну вот, и вдруг раздался сильный грохот. А потом полицейские как-то все же во шли в квартиру. Наверное, они выбили дверь. Вадим ни за что не открыл бы им добровольно. В коридоре послышались крики, а после этого распахнулась дверь спальни. Мама вытащила меня из постели и велела поскорее одеваться, потому что полицейские посоветовали ей, чтобы мы с ней покинули квартиру. Они что-то там искали и считали, что будет лучше, если мы уйдем. Мама собрала для нас что-то из одежды, а остальное ты знаешь. – Кира зевнула. – Видишь ли, Уинстон, хоть сегодняшняя ночь и была абсолютно ужасной, я все-таки рада, что мы оттуда ушли. И думаю, что теперь мама не захочет возвращаться к Вадиму. Слишком часто они ругались и ссорились.

Вот так история! Я слушал, и у меня учащенно билось сердце. Честно признаюсь – при мысли о том, что мне пришлось бы вот так среди ночи бежать из дома и оказаться в какой-то чужой квартире, меня охватывал панический страх. И это притом что я вообще-то бесстрашный комнатный тигр. Так насколько же хуже это было для такой нежной девочки, как Кира! Просто ужас! Еще я надеялся, что Кира с Анной принесли к нам в дом на Хохаллее только свою большую сумку – а не их проблемы с полицией. В любом случае нам нуж-

но опасаться, что этот самый Вадим скоро может появиться у *нашей* двери.

Конечно, я сочувствовал Анне и Кире, но все же было бы разумнее, если бы они поскорее исчезли из нашего дома. Лучше всего этим утром, после завтрака. Мне совсем не хочется заводить знакомство с таким неприятным типом, как Вадим. Как бы объяснить это Вернеру? Нужно подумать об этом потом, когда высплюсь. А пока я внезапно почувствовал оглушительную усталость. Путь к моей корзинке показался мне слишком далеким, и я просто свернулся клубком в ногах у Киры и заснул. Утро вечера мудренее.

Новые жильцы? Ну уж нет. Или все-таки да?

Кто бы мог подумать! Как приятно спать в человеческой постели! Вернер никогда не разрешал мне забираться в его кровать. Для меня его спальня всегда была под запретом. А здесь, в ногах у Киры, мне очень понравилось. Она дышала ровно и не храпела, в отличие от ее мамы.

Я спал глубоким и крепким сном, но вот забрезжил рассвет, в окно постепенно проник утренний свет и возвестил о начале нового дня. Осторожно, чтобы не разбудить Киру,

я прокрался в изголовье кровати и рассмотрел девочку. Ее лицо казалось мирным и спокойным. Замечательно! Я приблизился к нему, посмотрел еще раз, забрался под одеяло и опять закрыл глаза. Очень удобная поза, чтобы получить еще небольшую порцию сна перед завтраком.

Я уже сладко задремывал, как вдруг кто-то откинул одеяло и холодный сквозняк весьма жестко вернул меня к реальности. Эй, что такое? Я осторожно приоткрыл один глаз и тут же закрыл его. Над кроватью висела лампа и лила на меня отвратительный яркий свет. Так, кто-то хочет прогнать нас из постели. Вот только кто и зачем?

– Кира, просыпайся! Пора вставать! Иначе ты опоздаешь в школу! – Возле нас стояла Анна, у нее был до ужаса бодрый вид.

Кира приподнялась, опершись на локоть:

– Мама, я ужасно не выспалась!

– Да, знаю. Мне жалко тебя, но от Хохаллее до твоей школы добираться почти час. Ты скоро должна выйти из дома, чтобы к восьми быть в школе.

Мурр, вообще-то я не знаю, когда бывает восемь часов. Но в это время Вернер обычно еще лежит в постели. Либо пьет свою первую чашку кофе. Мы с ним любим начинать день с чего-нибудь уютного и вкусненького. Но когда ты ходишь в школу, о каком уюте может идти речь? Неужели все дети должны являться туда в одно и то же время? А если да, то кто придумал такую глупость? Всем было бы комфортнее,

если бы каждый приходил когда захочет!

Хорошо еще, что Кира и Анна остановились в нашей квартире всего на одну ночь и скоро вернутся к себе. Честное слово, мне совсем не хочется, чтобы меня будили так рано каждое утро!

– Что вы теперь подумаете обо мне, господин профессор! Мне так неловко! – Анна и Вернер сидели на большом диване в гостиной. На моем любимом диване. Я лежал на подоконнике. Почти четверть часа Анна лихорадочно рассказывала Вернеру историю, которую я слышал ночью от Киры. Только она умолчала про полицию. Вместо этого сказала, что этот дурацкий Вадим просто выставил их с Кирой за дверь. Интересно… Значит, она не хотела, чтобы Вернер узнал о приходе полиции?

Рассказывая, Анна так бешено размахивала руками, что иногда чуть не задевала меня по носу. Если бы не моя железная выдержка, я бы давно спрыгнул со своего наблюдательного пункта. Да-а, она явно отличалась от Ольги. Та никогда не теряла спокойствия, Анна же всегда находилась в движении – просто сгусток энергии. Мне трудно это понять. К чему столько суеты и стрессов? Вот лично я могу целыми днями спокойно лежать на диване.

Впрочем, надо признать, что минувшая ночь была слишкой тревожной и у Анны теперь взвинчены нервы. Так что ее тоже можно понять. Да и Кира уходила сегодня в школу испуганная. Я до сих пор возмущался в своей кошачьей душе – зачем ребенку уходить из дома в такую рань?! Как хорошо, что я не учился в школе. При одной мысли об этом мне хотелось зевнуть и сладко потянуться. Когда Анна договорит, я снова немножко вздремну. Перед обедом полезно чуть-чуть отдохнуть и расслабиться. Впрочем, *после* обеда тоже не вредно подремать. Вот так в приятной дреме весь день и пройдет!

Когда же Анна закончит свой рассказ? Пора бы! Ведь она сидела на *моем* любимом диване. Вернер почти им не пользовался – на нем лежал только я. Когда после обеда на диван светит солнышко, в доме нет места уютнее. Я надеялся, что Анна не вздумает сама на нем устроиться… Впрочем, она пришла в наш дом работать, а не рассиживаться на диване.

В дверь позвонили. Я насторожился – для нас это было необычно. Вообще-то к нам редко кто заходил – даже днем, и уж тем более среди ночи. Вернер вздохнул и встал с дивана:

– Наверняка это почта. Минуточку, я сейчас вернусь.

Точно. Иногда почтальонша приносит нам бандероли. Мне стало скучно. Я решил еще немножко полежать на освещенном солнцем подоконнике. Но все-таки надеялся, что Вернер сюда не вернется и диван снова станет моим.

Из холла послышались голоса. Один, ясное дело, принад-

лежал Вернеру. А другой был не похож на голос почтальонши. Это была Кира. Эге – неужели занятия в школе уже закончились? Что-то слишком быстро. Когда Вернер уходит в университет, то всегда проводит там несколько часов. Я и не предполагал, что Кира вернется из школы еще до обеда. Ну и ладно, мне-то что? Вряд ли она решит покуситься на мой обед.

Мне захотелось поздороваться с Кирой, и я спрыгнул с подоконника. Сегодня я очень неплохо спал у нее в кровати. Может, мне и сейчас перепадет немножко ласковых слов и она погладит меня по шерстке.

Но не успел я выйти в коридор, как Вернер вернулся в гостиную. С Кирой. И уже с первого взгляда моих зеленых глаз я понял, что здесь что-то не так. *Вообще* все не так! Кира была расстроена еще больше, чем вчерашней ночью, когда стояла перед нашей дверью. Ее щеки были мокрыми и покрылись пятнами. Я понял, что она недавно плакала. Да что там – она и сейчас плакала. Ее длинные волосы, которые Анна аккуратно заплела ей утром, растрепались, на правом колене джинсов зияла большая дыра – утром ее точно не было, я бы заметил. В общем, я взглянул на Киру – и у меня сам собой распушился хвост: верный признак опасности!

Анна вскочила с дивана:

– Боже мой, Кира! Что случилось?

Девочка со слезами бросилась к матери:

– Мамочка, я так испугалась! Вадим… он пришел к моей

школе! Он спрашивал, где ты, и ужасно разозлился, что я ему не сказала.

Кира всхлипывала так сильно, что не могла говорить. Анна гладила ее по голове и бормотала что-то ласковое, но я слышал только «*шшшшшшш, шшшшшшш*». Кира чуточку успокоилась:

– Он кричал на меня и сказал, что будет приходить к школе до тех пор, пока я не скажу, где мы прячемся.

– Он что, ударил тебя?! – забеспокоилась Анна. – У тебя ужасный вид!

Кира покачала головой:

– Нет. Но я, конечно, боялась, что он что-нибудь со мной сделает. Поэтому побежала от него и споткнулась. Вот – разорвала джинсы на коленке, а так все в порядке.

Вернер кашлянул.

– Что за Вадим? Вы его знаете? – спросил он.

Анна кивнула:

– Да, это мой друг, о котором я вам рассказывала.

– Вы должны позвонить в полицию, немедленно!

Анна испуганно покачала головой:

– Нет! Никакой полиции! Ни в коем случае!

– Но почему? Этот человек несомненно опасен! Он угрожал вашей дочери.

– Да, конечно, но если явится полиция, все будет еще хуже.

Ага! Еще хуже? Клянусь хребтом селедки – тогда лучше

не звонить! И без того слишком много волнений, даже для такого храброго домашнего тигра, как я.

Вернер склонил голову набок и задумчиво посмотрел на Анну с Кирой:

– Что ж, как хотите. Но вам ни в коем случае нельзя возвращаться к себе. И Кире нельзя возвращаться в ее школу. Слишком опасно!

Анна пожала плечами:

– Да, пожалуй, вы правы. Но что нам делать? Ведь Кире надо учиться.

– Хм-м… – Вернер задумался. А когда он думает, он всегда немногословен. Все мы напряженно ждали, когда ему что-нибудь придет в голову.

Вернер еще раз произнес «хм-м» и вздохнул:

– Скажи мне, Кира, ты хорошо учишься?

Не успела Кира ответить, как Анна выпалила словно из пистолета:

– Да, конечно, господин профессор! Кира очень хорошая ученица! Получает только «отлично» и «хорошо» – у меня никогда не возникало проблем из-за ее учебы!

Ясно – материнская гордость в чистом виде. Анна говорила как хозяйка питомника, которая рассказывает на кошачьей выставке про успехи своих котят. Я-то знаю, о чем говорю. Я сам из благородной породы британских короткошерстных кошек. Насколько мне помнится, полки в гостиной хозяйки моего питомника прогибались под тяжестью кубков,

заработанных ее питомцами-чемпионами. Это был знаменитый на весь мир питомник короткошерстных британцев. Ну ладно, не на весь мир, а лишь на всю Германию – но в любом случае наша хозяйка гордилась своими воспитанниками. Впрочем, похоже, Кире стало стыдно за мать. Она смущенно смотрела на носки кроссовок и теребила пальцы:

– Ах, мама, пожалуйста, не надо обо мне так говорить. Не такая уж я и отличница. Ведь я не зубрилка!

Вернер засмеялся:

– Конечно, не зубрилка! Я хотел только знать, успеваешь ли ты в учебе. И по-видимому, так и есть. Вот и замечательно. У меня появилась идея. Недалеко от университета и от нашего дома находится гимназия «Вильгельмина». Я знаком с ее директрисой, фрау Розенблатт. Иногда я приглашаю целые классы на свои лекции, чтобы дети лучше представляли себе, что такое физика. Следовательно, директриса в долгу передо мной. Я спрошу у нее, сможет ли Кира ходить в ее гимназию – хотя бы некоторое время, пока все не уляжется и этот Вадим не оставит вас в покое. Но учиться в этой гимназии довольно тяжело, вот я и спросил.

Анна гордо вскинула голову:

– Господин профессор, учеба для моей дочери не проблема!

Кира вздохнула, но промолчала.

– Прекрасно. Тогда я предлагаю вот что: вы поживете пока здесь, у меня, а Кира будет ходить в гимназию «Вильгель-

мина». Я позабочусь об этом. – Он протянул Анне руку. Она помедлила в нерешительности, но потом все-таки ответила на его рукопожатие.

– Спасибо, господин профессор, – поблагодарила она. – Только я не понимаю, почему вы проявляете к нам такое великодушие.

– Во-первых, потому, что мне это свойственно, – усмехнулся Вернер. – Во-вторых, потому, что у меня никогда не было семьи. Это для меня абсолютно новый опыт. Возможно, мне будет интересно. В любом случае у меня сейчас есть возможность вам помочь – так почему бы мне не воспользоваться ею?

– Ладно, хорошо. Давайте пожелаем друг другу удачи!

– Вот именно. Добро пожаловать, новые… Кто вы теперь? Соседи? Жильцы? – Вернер засмеялся.

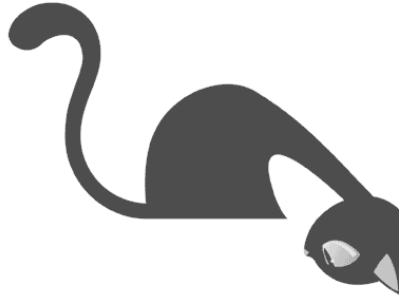
Анна тоже засмеялась, и даже Кира присоединилась к ним. По-моему, ей понравилась идея профессора.

А вот я ничуть не обрадовался: двуногих совершенно не интересовало, что думаю об этом я, кот Уинстон Черчилль, полноправный жилец этой квартиры. Как типично для них! А ведь я тоже здесь живу. К тому же в отличие от Вернера не считаю, что у нас нет семьи. Нет-нет, прежде у нас все было замечательно!

С другой стороны, если поразмыслить: может, Кира позволит мне еще разок поспать на ее постели? Было бы, в общем-то, неплохо. Кроме этого ее раннего пробуждения. На

него я не согласен категорически! Я решил понаблюдать пару дней за тем, как будут разворачиваться события, и уже после этого составить свое собственное мнение. Как известно, хорошие мысли всегда приходят с опозданием. Недаром говорят – «задним умом крепок». И это касается не только людей, но и кошек.

Мир за окном полон опасностей – но зато интересен! Во всяком случае, мне так показалось



– Что-о-о?! Уинстон никогда не гуляет?! Всегда сидит дома?! Всегда?! – Кира чуть не задыхалась от возмущения.

А что такого? В нашем доме все прекрасно. Вернер только что рассказал Кире, что я исключительно домашний кот и совсем не нуждаюсь в прогулках. После этих слов Кира с сочувствием посмотрела на меня и погладила по спине.

– Бедняжка! Как тебе скучно сидеть дома! – воскликнула она.

Какая чепуха! Мне абсолютно не скучно. Мне тут замечательно. Особенно если мне чешут брюхо, как это делала Ки-

ра целых полчаса. Правда, после этого она и спросила Вернера, есть ли у меня поводок. Она решила погулять со мной. Погулять?! НА ПОВОДКЕ?! Я что, собака?!

Вернер задумчиво посмотрел на меня:

– Нет, у Уинстона нет поводка. До сих пор мне казалось, что он доволен своей жизнью. Хотя, возможно, ты права, и ему нужно почаще выходить на прогулку. Мне тоже кажется, что наш приятель в последнее время растолстел. Вероятно, твоя мама слишком его балует. – Он усмехнулся, а я буквально кипел от злости. Да, согласен, за три недели, которые Анна работает у нас, я, пожалуй, чуточку поправился, совсем чуточку – но вовсе не *растолстел*! Об этом не может быть и речи! Какое преувеличение!

Расстроенный и оскорбленный, я направился к своей корзинке, но тут Кира подхватила меня на руки и прижалась ко мне щекой. Потом посмотрела мне в глаза:

– Ты хочешь погулять, милый Уинстон, я вижу это. Мы подумаем, из чего сделать тебе поводок, и пойдем на улицу. Обещаю! Только потерпи немного!

Разве это можно было назвать обещанием? Это была настоящая угроза!

– Я НЕ ХОЧУ! – мяукнул я во всю глотку, чтобы отговорить Киру от ее нелепого плана.

– Ой, видите, профессор Хагедорн, Уинстон уже обрадовался! – Кира просияла и наконец-то отпустила меня. Я недовольно помахал хвостом. Мяу, просто неслыханная глу-

пость!

Она скрылась в гостиной, а я поскорее залез в свою корзинку. Но через минуту Кира вернулась с какой-то блестящей и длинной лентой.

– Смотри, Уинстон, это моя резиночка. Из нее я сделаю тебе поводок. – Кира свернула конец ленты в большую петлю, опустилась возле меня на колени и надела эту петлю мне на шею. Мяу! Мне сразу же показалось, что я задыхаюсь, и я жалобно замяукал.

– Да-да, все в порядке! – Кира погладила меня. – Сейчас пойдем! Тебе уже не терпится? – С этими словами она вскочила и побежала к двери. Резиновая лента натянулась и потащила меня следом. Я упирался изо всех сил и не двигался с места.

– Пойдем, Уинстон! Вперед к новым приключениям!

Кира дернула сильнее. Резиновая лента натянулась. В конце концов ужасно неприятное ощущение на моей шее заставило меня вылезти из корзинки. Какой позор: я, Уинстон Черчилль, был вынужден подчиниться грубой силе!

Но чем ближе я подходил к двери, тем сильнее щекотало у меня в носу. От волнения. Я давным-давно не выходил на улицу, даже не помню, когда это было в последний раз. Что ждало меня за стенами дома? В общем, я вовсе не стремился на эту прогулку – но, может, там меня ждало что-то интересное, например, я увижу другого кота или другую кошку. До сих пор я как-то не жаждал таких встреч – но кто знает?…

Главное, чтобы по дороге нам не попалась собака. Вот собак я точно не люблю. Разумеется, я знаю, что намного превосхожу их в интеллектуальном отношении. Попросту говоря – я перехитрю их всех. Но в реальной жизни я еще не встречался с ними, так что не исключаю, что собаки не только глупее меня, но и сильнее. Короче: что угодно, но только никаких собак!

На лестнице Кира подхватила меня на руки. Воспользовавшись этим, я огляделся по сторонам. Пару раз я уже тут бывал, но тогда меня не слишком интересовало, что находится вокруг. Теперь я мог определенно сказать: на лестнице было довольно скучно. Здесь пахло моющим средством, которым Анна мыла пол в нашей квартире. Еще тут было темновато. И ни одной кошки. Скорее всего, дворовые кошки сюда никогда не заглядывали. Впрочем, ни одной собаки я тоже не увидел. Если во время нашей маленькой прогулки не будет никаких приключений, зачем я вообще на нее согласился? Лучше бы лежал дома на диване.

Сбежав по лестнице, Кира открыла входную дверь, и в подъезд тут же хлынул яркий солнечный свет. Мои зрачки тотчас превратились в узкие щелочки. Еще шаг – и Кира выбежала со мной на руках из дома. Мне в нос ударил свежий ветер. Я моментально ощутил кучу запахов – это были запахи листьев, автомобилей, сигаретного дыма и… действительно – других кошек! Словно наэлектризованный, я высвободился из рук Киры и спрыгнул на тротуар. Мяу! Петля

на моей шее напомнила мне, что я по-прежнему шел на дурацком поводке. Ладно, ведь он, в конце концов, резиновый, и раз уж меня вытащили на прогулку, я *сам* буду решать, куда идти. И я устремился в сторону, откуда доносился запах кошек.

– Эй, Уинстон, не торопись! Куда ты так помчался? – Кира дернула за поводок, но все равно пошла за мной. Молодец девочка, что и говорить! А я, как опытный кот, знаю, как воспитывать двуногих! Низко опустив голову и принюхиваясь, я двинулся по следу моих сородичей. Я отчетливо слышал их запах. Они были тут, минимум двое или трое. Внезапно я почувствовал себя могучим и опасным диким зверем! Следы вели с нашего тротуара прямиком на задний двор. Вернее, не прямиком, а за угол. Так и есть! Там я и обнаружил следы дворовых кошек!

Если бы мне кто-нибудь сказал еще две недели назад, что я скоро отправлюсь на поиски моих облезлых уличных сородичей, я бы обхохотался. Нет – я бы возмутился. Но после появления у нас Киры моя жизнь изменилась – стала гораздо беспокойнее. И хотя мне совсем не хотелось идти на эту прогулку, теперь она уже казалась мне увлекательной. Почему бы не узнать что-то новенькое? Ведь, возможно, изменится не только моя жизнь – чуточку изменюсь и я сам, породистый кот Уинстон, британская элита!

Во дворе так сильно пахло кошками, что я буквально представлял их перед собой воочию. Наверняка это были те

три кошки, которых я постоянно видел из нашего кухонного окна: одна полосатая и довольно упитанная, вторая палевая и облезлая, а третья, беленькая, была бы довольно хорошенькой, если бы не грязные пятна на ее шерстке. Из окна я, конечно же, не мог разглядеть, кто там, коты или кошки, но сейчас, идя по их следу, я определил, что там есть и те и другие.

– Эй, да это тот самый тип со второго этажа! – послышался голос справа от меня, явно принадлежащий коту. И правда, возле мусорных контейнеров сидел упитанный кошачий тигр и с ухмылкой глядел на меня. – Глядите-ка, с ума можно сойти – его ведут на поводке! Обхохочешься! Невероятно! Он чокнутый, что ли?

– Правда? Ну-ка, где? – второй голос раздался чуть дальше. Ага. Значит, палевый тоже кот. Примостившись на оконном карнизе, он глядел на меня. Вдруг он соскочил с карниза и помчался ко мне. Я почувствовал, что у меня моментально пересохло в горле. Что он собирается сделать? Что вообще делает кот, когда встретится с другим котом? *Урррр*! Уинстон, не теряй спокойствия! Истинные британцы не ведают страха!

– Эй, приятель! – обратился ко мне палевый с подчеркнутой небрежностью. – Как приятно, что ты наконец-то появился во дворе. Честно говоря, мы не понимали, почему ты никогда не выходишь из дома. Может, ты больной какой-нибудь, парализованный, хромой, или у тебя еще что-нибудь

не в порядке? Но, кроме этого дурацкого поводка, у тебя все вроде бы чики-пуки.

– Что-что? Чики-пуки? – не понял я. Палевый обошел вокруг меня, распушив хвост. Кира наклонилась и погладила его по спине:

– Ой, гляди-ка, Уинстон! Мы уже нашли тебе друга! Как чудесно!

Неужели бывают такие друзья?! Я с сомнением посмотрел на Киру. Мистер Чики-пуки говорил скорее… дерзко. Но Кира ведь не понимала, что мне сказал палевый. Я тихонько мяукнул, прогоняя сушь из горла.

– Мяу, позвольте представиться? Уинстон. Собственно, Уинстон Черчилль. Нет, я не хромой и не парализованный. Просто мне нравится в моей квартире – зачем спускаться в этот темный двор? Не могу сказать, что здесь красиво. – Ага! Получил, облезлый?!

Палевый уставился на меня:

– Уинстон Черчилль? Что за дурацкое имя?!

Что-о-о?! Он уже дерзит мне!

– Нормальное имя, даже знаменитое. Уинстон Черчилль – самый известный в мире британский премьер-министр. А я чистопородный британец – короткошерстный.

– Премьер-что? Не знаю такого. Ну а меня зовут Чупа-чупс. Или прост Чупс. Легко запомнить. Меня так прозвали за цвет моей шерстки.

– Приятно познакомиться!

– Чё?

– Приятно познакомиться. Так говорят в моих кругах, когда впервые кого-то видят.

– У тебя точно крыша поехала. *В твоих кругах*! Сдохнуть можно! Мне вот что интересно знать: почему эта девчонка водит тебя, как собачонку? Это ж позор – гулять на поводке. Или в ваших кругах считается по-другому? – Он отвернулся от меня, а я от него. Оказалось, что полосатый во время моего разговора с палевым подошел ближе ко мне, а за ним я обнаружил и беленькую. Это была явно кошка.

– Эй, Спайк, – спросил Чупс, – ты когда-нибудь видел кота на поводке?

Полосатый, которого звали Спайк, покачал головой:

– Не-е. Я же тебе сказал – обхохочешься! Одетта, что скажешь?

Белая кошечка подбежала ближе ко мне. Должен заметить, что для бродячей кошки у нее была невероятно элегантная и грациозная походка. Прямо настоящая леди! Ах, да что там – она и была настоящей леди. Об этом свидетельствовала аристократическая манера, с которой она держала голову. А еще пятнышки на шерсти. Оказывается, это были не грязные пятна, как мне казалось с моего подоконника, а изящные элементы ее окраса. Да, Одетта была довольно красивой.

В общем, постепенно мне становилось не по себе. Передо мной сидела настоящая леди, а я как последний идиот явил-

ся во двор на дурацком резиновом поводке. МЯУ-У-У!

– Короткошерстный британец! – Одетта склонила голову набок и оценивающе посмотрела на меня. – Ой, породистые кошки вообще бестолковые и ничего не умеют. Наверняка Уинстон ходит на поводке, потому что не найдет свой дом, если окажется на другой стороне улицы. Да и вряд ли он туда доберется, потому что угодит под колеса первого попавшегося автомобиля. Короче, он заблудится сразу, как только выйдет из дома.

Уухxx! Прекрасная Одетта сочла меня слабаком и идиотом. Очень обидно. У меня тотчас пропало желание продолжать эту дурацкую прогулку. Одним прыжком я вскочил к Кире на руки и вцепился когтями в ее пуловер.

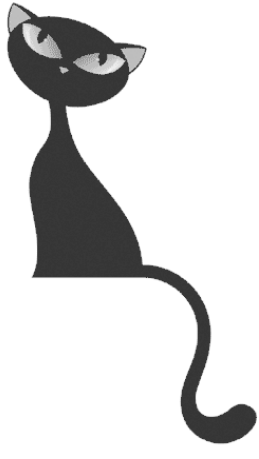
– Ой, Уинстон! В чем дело? Поиграй со своими новыми друзьями.

Шшшш, они мне не друзья! Я хочу поскорее уйти отсюда! Кира снова попыталась спустить меня на землю, но я еще крепче вцепился в нее, и она наконец смирилась.

– Хм, что с тобой? – удивилась она. – Тебе не понравилось играть с другими кошками? Хочешь домой? – Я замурлыкал: мол, точно, хочу вернуться в нашу квартиру. Кира вздохнула: – Ну хорошо. Новичкам бывает трудно, я угадала? Я прекрасно это знаю. Честно говоря, мне это знакомо. Ладно, пойдем – поваляемся на диване!

Во-первых: великолепная идея! Во-вторых: почему Кире это знакомо?

О людях и козах. И о козах в человеческом облике



– Короче, хуже всех эта Леония. Она делает мне всякие гадости – просто не понимаю, за что она меня так невзлюбила! Типичная коза!

Мы с Кирой валялись в гостиной на диване, отдыхая от нашей опасной экспедиции на задний двор. Вернее, я отдыхал, а Кира почесывала мне брюшко и одновременно рассказывала про новую школу. Постепенно я начал понимать, почему Кире, как новенькой, тоже приходится нелегко. Глав-

ная причина – в этой самой Леонии и в том, что она коза. Я с удивлением услышал, что двуногие могут быть одновременно и четвероногими, а девочки могут быть козами. До этого я думал, что козы гуляют где-нибудь на лугу, мемекают и едят траву. Оказывается, это не совсем так. Козы еще учились в седьмом «Б» классе гимназии «Вильгельмина», мекали и доводили до слез Киру и других девочек. Просто ужас! По сравнению с ними Чупс, Спайк и Одетта были чистыми ангелами.

– Знаешь, у них у всех гораздо больше денег, чем у нас с мамой. И поэтому много крутой одежды. Сплошь «Холлистер» и «Хилфигер». А посмотри на меня – я ношу только «Н amp;М» и все в этом роде.

Вообще-то все это мне ни о чем не говорило. Да и зачем мне что-то знать о крутых тряпках? В конце концов, у меня есть моя шерстка. Мне этого достаточно. Она у меня красивая и густая. Мне не надо кутаться ни в какие одежды, пусть даже от «Холлистера». Что в нем крутого? Я подтолкнул Киру лбом, чтобы она продолжила свой рассказ.

– Эй, Уинстон, ты что? – хихикнула она. – Тебе скучно меня слушать?

Нет-нет, наоборот! Очень интересно. Вернер никогда не рассказывал мне о своих проблемах.

– К сожалению, Леония довольно важная фигура в классе. Она сама выбирает себе друзей. А кого она отвергает, с теми уже никто не хочет дружить. Или готовы дружить толь-

ко такие же отвергнутые Леонией неудачники. Я все время боюсь, что скоро окажусь среди них. Это будет ужасно! Тогда впору хоть возвращаться в мою старую школу, а там меня подстерегает Вадим. – Она так тяжело вздохнула, словно у нее на душе лежала груда камней. Бедняжка! Видно, Леония действительно такая противная, что Кира готова пойти на риск столкнуться с Вадимом, только бы не страдать от ее насмешек. – Ах, Уинстон, как мне хочется чем-нибудь поразить Леонию! Вот только чем? Я ничего не могу придумать.

Мяу! Вот так с ходу мне тоже ничего не приходило в голову. К тому же я не знал, как можно произвести на кого-то впечатление, – я не был экспертом в таких вещах. Я и сам не смог произвести впечатление даже на трех бродячих кошек. Как только я вспоминал об этом, мне становилось нехорошо. Просто невероятная история: Уинстон Черчилль, породистый кот, торчал с резиновой лентой на шее на заднем дворе и слушал глупые замечания трех бродячих кошек! Муррр, какой позор! Я был уверен, что эта самая Одетта до сих пор смеется, вспоминая обо мне.

– Домой я их пригласить не могу, потому что дом не наш, а профессора Хагедорна. И не могу попросить маму, чтобы она приехала за мной в школу на крутой тачке, потому что у нас ее нет. Нет даже маленькой тачки. У меня вообще нет ничего ценного, чем я могла бы похвастаться в школе.

Хм-м… Что-то ценное… Пожалуй, она могла бы взять в школу *меня*. По-моему, я довольно ценный. В конце кон-

цов, я веду родословную от двух международных чемпионов. Моя мать была чемпионкой Германии в своей возрастной группе, а папа победил в каком-то очень престижном конкурсе. Я считаю, что по мне это сразу видно! Я породистый и элегантный – вот как можно описать меня точнее всего. Правда, у меня есть крошечный недостаток: зеленые глаза. Согласно стандарту моей породы они должны быть желтыми. Но кто из нас совершенен? Тем не менее я ценный кот. Надо убедить Киру, чтобы она взяла меня в гимназию. Леония наверняка удивится, и проблема Киры будет решена. Вот только не знаю, как мне ей это объяснить.

Кира опять тяжело вздохнула:

– Вообще-то Леония не единственная моя проблема. Если честно, у меня все кругом дерьмово.

Я удивился. Дерьмово? Это из-за тех коз? Там что, целое стадо прошло и оставило козьи орешки (я видел их в каком-то фильме о деревенской жизни)?

– Знаешь, Уинстон, с мамой что-то неладно. Вот у нас были неприятности с Вадимом, теперь они позади, но мама почему-то не радуется, хотя мы наконец-то избавились от него. Ночью, когда она думает, что я уже сплю, она тихонько плачет в подушку. По-моему, у нее сильный стресс из-за этого негодяя и еще из-за полиции.

Ого, это уже никуда не годится! Неприятности с полицией гораздо серьезнее, чем неприятности с козами. Все равно, с четвероногими или двуногими! Я крепче прижался к Кире.

Все-таки объятия – самое лучшее в этом злом мире! Ничто так не успокаивает! Кира гладила мне брюхо и рассказывала дальше:

– Мама скрывает от меня, но я видела, что она недавно получила письмо из полиции. Она должна явиться в полицейское управление и там ответить на какие-то вопросы.

В голосе Киры звучала тревога. Я хоть и не знал, что такое полицейское управление, но догадался, что все это связано с большими неприятностями. С очень большими – не то что отсутствие крутой тачки или одежды от «Холлистер».

У меня в горле встал неприятный комок. Вообще-то я кот-одиночка, и не в моих правилах выбирать себе в друзья первого попавшегося двуногого – но должен признаться, что за эти недели я очень привязался к Кире, поэтому меня огорчила мысль о нешуточных проблемах, которые могли на нее обрушиться. Как же ей помочь? Я задумался.

– Ну почему мама не хочет рассказать мне, что случилось? Тогда мы бы вместе с ней придумали, как нам поступить. Возможно, нам помог бы и твой хозяин, профессор Хагедорн. Ведь он такой умный и находчивый – наверняка что-нибудь придумает. Но мама, к сожалению, очень не хочет, чтобы профессор узнал о ее трудностях. Да и со мной она ничем не делится. Я просто в отчаянии! Мне ужасно не нравится такая жизнь! – И она снова тяжело вздохнула.

«Нет, я должен что-то придумать! – решительно сказал я себе. – Так не должно быть! Клянусь своими роскошны-

ми усами: я, Уинстон, позабочусь, чтобы Кира снова стала счастливой и беззаботной девочкой. Или хотя бы не такой несчастной, как сейчас. Ведь я кот, а коты всегда отличались сообразительностью – не то что глупые собаки!»

Первая мысль нередко оказывается самой удачной. Поэтому я решил прямо на следующий же день осуществить свою идею – отправиться в гимназию и там произвести впечатление на Леонию. Проблемы с полицией мне были не по зубам – ведь я всего лишь кот, хоть и из аристократической кошачьей семьи. Но зато проблемы с козами – почему бы и нет? Надо только дождаться удобной минутки и выскользнуть за дверь – и тогда я просто побегу следом за Кирой. Вряд ли это будет очень сложно.

И хоть за последние недели я привык снова засыпать, как только Кира вставала и уходила в ванную, в это утро я выпрыгнул из своей корзинки и крадучись направился к входной двери. Перед завтраком Анна всегда спускалась вниз за свежей газетой и обычно не закрывала дверь до конца, оставалась маленькая щелочка. Это была отличная возможность незаметно улизнуть из дома. Мой план состоял в том, что я спрячусь в подъезде и дождусь, когда выйдет Кира. Я очень надеялся, что меня никто не заметит и не хватится.

И действительно, Анна не обратила на меня внимания, когда открыла дверь и спустилась к почтовому ящику. Я выскользнул на лестницу и, взбежав по ступенькам на верхний этаж, дождался, когда послышатся шаги Киры. Стремительно сбежав вниз, я догнал ее, когда она открывала дверь на улицу.

– Эй, Уинстон, что ты здесь делаешь? – Кира, разумеется, очень удивилась, но не отправила меня в квартиру. Отлично! Мой план действовал. Теперь надо было как-то объяснить Кире, что я хочу пойти с ней в гимназию. Но чур без поводка!

– Ты хочешь навестить своих новых друзей во дворе? – спросила Кира. Я фыркнул, громко и внятно, надеясь, что она поймет мое решительное «нет». Кира озадаченно посмотрела на меня. – Не хочешь? Хм, тогда что же? Просто погулять? Извини, но сейчас мне некогда. Я иду в школу.

Вот именно! Я тоже хочу в школу! Я громко замурлыкал. Кира недоверчиво покачала головой:

– Хочешь пойти со мной в гимназию? – Ура! Стопроцентное попадание! Я потерся о ноги Киры и замурлыкал еще громче. – Хм-м, не думаю, что это хорошая идея. Это наверняка против школьных правил.

Да ладно! Всем известно, что правила пишут для трусов, а не для отважных котов! Мы докажем это всем и чем-нибудь удивим противную Леонию! Зачем обращать внимание на такие мелочи, как школьные правила!

Я буквально приклеился к ногам Киры. Она хихикнула, наклонилась и взяла меня на руки:

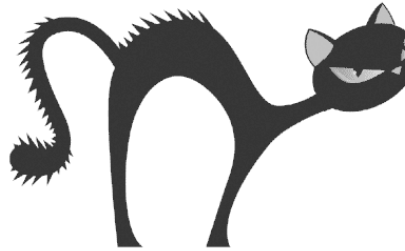
– Хорошо, Уинстон. Я возьму тебя с собой. Но ты должен дать слово, что будешь хорошо себя вести. Хорошо и тихо. Ни в коем случае не мяукать. Мне и так хватает неприятностей. Ясно тебе?

Ясно и прозрачно, как куриный бульон. Я громко мяукнул.

– Ладно. Тогда пойдем! Быстрее, а то опоздаем на урок!

Урраа! Вперед! Мы покажем этим козам, как обижать Киру!

Странное место под названием «гимназия», или Как я просидел полдня в сумке



Здание было большим. ОГРОМНЫМ.

Вообще-то я всегда считал, что наш дом большой. Но гимназия превзошла все, что я когда-либо видел. Конечно, видел я не очень много, но все-таки! Вау! Гигантский дом белого цвета с большой дверью и величественной башней. Настоящий замок! Сильное впечатление. Неужели так выглядят все школы? Мне даже стало немного не по себе и пришлось сдерживаться, чтобы не прыгнуть Кире на руки.

«Возьми себя в лапы, Уинстон! – строго прошипел я себе. – Ведь ты же хотел произвести впечатление на здешних вредных коз. Но ничего не получится, если у тебя будет вид

трусливого котишки! Ну-ка, Уинстон, – где твоя породистая осанка?»

Набравшись решимости, я выпрямил спину и соскочил с руки Киры – прямо под ноги другой девочке, которая тоже подходила к школе.

– Привет, Кира! Ты что, принесла в школу кошку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.